

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОВТОРОВ В ЯЗЫКАХ РАЗЛИЧНЫХ ТИПОЛОГИЙ

Абдуллаева А.А.

ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный педагогический университет», 367025, Республика Дагестан, г. Махачкала, Гаджиева, 37; e-mail: nur1@yandex.ru

Корневое удвоение в некоторых языках является весьма распространенным явлением, например, в агглютинативных языках, славянским языкам данное явление не свойственно. Некоторые западноевропейские языки также обладают представительным корпусом редупликативов. В разных тюркских языках представлено разное количество повторных номинаций. Сопоставительный анализ показал, что в структурно-семантической организации редупликации в языках разных систем много общего и специфического. Так, в английском языке значительно больше редупликативов с субстантивной основой, чем в кумыкском языке. Специфической особенностью лексических повторов в кумыкском языке является то, что они выражают тотальное множество обозначаемых ими предметов. Типологической особенностью английского языка является наращивание согласного звука в первом компоненте редупликанта, наращивание слога с чередованием согласной и наращивание слога к первому компоненту редупликанта. Данные структурные типы редупликации в тюркских языках не встречаются. Еще одной типологической особенностью английских редупликантов является их выражение устойчивыми словосочетаниями с соединительным элементом *a*, при помощи союза *and*, предлога *to*, предлога *by*. Все эти типы редупликации тюркским языкам не свойственны. Зато тюркским языкам свойственно фонеморфологическое контрастирующее варьирование по признаку сингармонизма. Кроме того, специфической особенностью структурной организации частичных повторов в тюркских языках является многообразие падежных форм во втором компоненте повторной номинации. Повторы, образуемые с помощью другого падежа, встречаются не только в тюркских, но и в славянских языках, однако не так часто, как в тюркских. В английском языке разные падежные формы имен существительных в составе редупликантов не употребляются.

Ключевые слова: повторы, редупликация, структура, семантика, языки различных типологий, тюркские языки.

STRUCTURAL AND SEMANTIC NATURE OF REPITITIONS IN THE LANGUAGES OF DIFFERENT SYSTEMS

Abdullaeva A.A.

Dagestan State Pedagogical University, Russia, 367025, Makhachkala, M. Gadzhieva st., 37; e-mail: nur1@yandex.ru

Root redoubled in some languages is widespread phenomenon, for example, in agglutinative languages, but given phenomenon is unusual for the Slavonic languages. Some westeuropean languages have impulsive corps of reduplicatives. In different Turkic languages different quantity of repeated nominations are represented. So there are much more reduplicatives with substantive base than in kumik language. Specific feature of lexical repetitions in kumik language is that they express total host of indicated subjects. Typological feature of English language is increasing the consonant sound in the first component of reduplicant, increasing the syllable with alternation of consonant and increasing the syllable to the first component of reduplicant. Such structural types of reduplication are not in the Turkic languages. One more typological feature of English reduplicants is their expression by stable word combinations with connecting element *a*, by prepositions *to*, *by* and by conjunction *and*. All these types of reduplication are not characteristic to the Turkic languages. But phonomorphological contracting varing with indication of syngarmonizm is characteristic to the Turkic languages. Besides the specifical feature of structural organization of partial repetitions in the Turkic languages is variety of case forms in the second component of repeated nomination. The repetitions formed by another case are met not only in the Turkic languages but in the Slavonic languages but not often as in the Turkic languages. Different case forms of nouns in compound of reduplicants are not used in English.

Keywords: repetitions, reduplication, structure, semantics, the languages of different typologies, the Turkic languages.

Актуальность исследования обусловлена тем, что различия в структурной организации повторов зависят от принадлежности языков к тому или иному типу. Так,

славянским языкам не свойственны живые, продуктивные типы корневого удвоения, столь характерные для агглютинативных языков. Слоговой повтор типичен для изолирующих языков и т.п. Исследование структурно-семантического многообразия типов повторов в языках различных типологий представляет актуальную задачу современной лингвистики.

Целью работы является сопоставительное изучение основных характеристик в формальной организации кумыкских повторов и выявление общего и специфического в их структурно-семантических характеристиках.

Новизна исследования заключается в том, что в статье впервые исследуются фонетические, морфологические особенности кумыкских повторов в сопоставительном плане с повторами в английском, русском и дагестанских языках.

Практическая ценность статьи заключается в том, что ее результаты могут быть использованы при чтении лекций по курсу «Сравнительная типология» в двухпрофильных отделениях филологических факультетов.

Результаты исследования и их обсуждение

Чисто редупликативные слова определяются большинством авторов следующим образом: слово, состоящее из двух основ, одна из которых повторяет без каких-либо изменений другую. Полную редупликацию как средство выражения множественности впервые в тюркологии отмечает Н.К. Дмитриев [5, с. 47]. Она характерна для всех тюркских языков. Существуют общетюркские лексические повторы, характерные для большинства тюркских языков. Во всех тюркских языках редупликативные имена существительные с субстантивной основой обозначают главным образом названия предметов и лиц. Однако каждый из тюркских языков обладает своим собственным потенциалом повторных номинаций. Так, например, узбекские повторы *огул огул* «сыновья», *қыз қыз* «дочери» не характерны для кумыкского языка. Несмотря на то, что в кумыкском языке есть слово хоншу «сосед», данная лексема не образует редупликатива типа турецкого *koni komşu* «соседи и знакомые». Поэтому представляется весьма актуальным исследование явления редупликации в разных тюркских языках в сравнительном плане.

Некоторые западноевропейские языки также обладают представительным корпусом редупликативов. Так, английский язык обладает значительно большим разнообразием структурных типов редупликативов с субстантивной основой, чем тюркские языки. Редупликативы в этих языках характеризуются рядом общих и специфических особенностей. В тюркских и в английском языках встречаются субстантивы, состоящие из двух одинаковых основ: *уьй-уьй* «дома», *орам-орам* «улицы»; *gee-gee* «лошадка», *ju-ju* «амулет; колдовство». Специфической особенностью подобных повторов является то, что в кумыкском языке они

выражают тотальное множество обозначаемых ими предметов, а в английском языке эти повторы не осложнены семантикой множественности.

Неполный повтор, в котором чередуются инициальные согласные, также характерен для сопоставляемых языков. Типологические различия заключаются в том, что в английском языке при таком повторе субстантив может выражать как значение единичности (*walkie-talkie* «рация»), так и значение множественности (*hanky-panky* «проделки; мошенничество»). В кумыкских инициальных повторах второй компонент представляет собой всегда слово-призвук, самостоятельно не употребляющееся в современном языке и выражающее значение множественности: *zam-mam* «вещи», *yuu-yuu* «дети». В английском языке второй компонент может состоять из слова-призвуча, но не всегда.

Субстантивные повторы в сопоставляемых языках образуются и в результате чередования гласных внутри слова. В кумыкском языке при таком повторе второй компонент представляет собой слово-призвуча, а в английском второй компонент редупликанта может быть как словом-призвуча, так и самостоятельным словом. Сопоставим: *temir-tyumyr* «железяки», *kъart-kъурт* «старички» и *fiddle-faddle* «пустяки; чепуха, вздор», *criss-cross* «перекрещивание». Кроме того, данный тип фономорфологического повтора в тюркских языках всегда выражает значение множественности, чего нельзя говорить о подобных повторах в английском языке.

Наращивание согласного во втором компоненте редупликанта свойственно обоим языкам: *argy-bargy* «перебранка, перепалка», *az-maz* «немного». В приведенных примерах второй компонент в роли самостоятельного слова не используется.

Типологической особенностью английского языка является наращивание согласного звука в первом компоненте редупликанта (*swing-wing* «с изменяемой геометрией»), наращивание слога с чередованием согласной (*hoi polloi* «простонародье») и наращивание слога к первому компоненту редупликанта (*blankety-blank* «такой-сякой»). Данные структурные типы редупликации в тюркских языках не встречаются [6, с. 31-32].

Еще одной типологической особенностью английских редупликантов является их выражение устойчивыми словосочетаниями с соединительным элементом *a*. Чередованию подвергаются только гласные (*bric-a-brac* «старье, безделушки»), гласный и согласный (*pick-a-back* «на спине»), инициальные согласные (*rat-a-tat* «тук-тук»).

В английском языке сложносоставные редупликанты образуются и при помощи союза *and* (*so-and-so* «такой-то; такой-сякой»), предлога *to* (*heart-to-heart* «душевный»), предлога *by* (*step-by-step* «постепенный; поэтапный»). Все эти типы редупликации тюркским языкам не свойственны: в образовании повторов служебные слова в тюркских языках не участвуют.

Существительные со значением «носитель процессуального признака» с глагольной основой встречаются редко: *ашав-яшав* «житье-бытье», *гелив-гетив* «хождение». Такое значение в английском языке выражают редупликаты *dust-dust, dab-dab, hit-hit* и др.

Чаще всего в языках различных типологий встречаются имена существительные с ономатопоэтической основой, обозначающие предметы и явления, которые характеризуются эмоциями и призывами, выраженными мотивирующей основой: *шувшув* «свисток», *бакь-бакь* «утка»; англ. *ping-pong* «пинг-понг». Компоненты приведенных лексем самостоятельно не употребляются, вместе же они выражают определенное понятие. В английском языке, хотя каждый из компонентов редупликанта и может употребляться самостоятельно, однако к общему значению, выражаемому повтором, это значение не имеет отношения.

Слова, составленные из звукоподражательных основ, могут быть фонологическими репрезентациями реальных шумов, звуков природы или же звуков, производимых животными, людьми. Они могут обозначать движение, сопровождаемое звуком, и агента действия – лицо, предмет, животное, которые издают эти звуки. Для таких повторов характерен процесс метонимизации. В английском языке в чисто редупликативных существительных наблюдается более широкая вариативность метонимизации. Предмет или явление получают наименование не только по какому-то характерному признаку, но и по случайному жесту, действию, междометию или восклицанию, звуку, агентом которого выступает предмет, лицо или животное.

В тюркских языках часто встречаются эхо-повторы. Как отмечал Н.К. Дмитриев, «в этих сочетаниях, помимо указания на неопределенную множественность, содержится также и эмоциональный оттенок: говорящий относится к предмету с иронией, пренебрежительно или несколько свысока» [5, с. 47]. Эта функциональная характеристика вполне приложима и к аналогичным образованиям в дагестанских языках: табас. *кас-мас* «кто-либо» (из *кас* «лицо; личность; человек»); *хал-мал* «дом, всякое жилище» (от *хал* «дом») и т. п.; дарг. *арц-марц* «денежки», *унра-хунра* «соседи». В других кавказских языках: абх. *аггам-сам* «мусор», *арахэ-ашахэ* «скот»; груз. *раса-риси* «суета», *аре-таре* «окрестность».

По утверждению А.С. Алисултанова, «в большей степени это утверждение применимо для дагестанского материала с учетом, во-первых, всего контекста тюрко-дагестанских контактов и, во-вторых, широким распространением этого явления в обеих группах языков» [1, с. 19]. Далее автор отмечает, что «в русском языке эти образования не связаны с тюркскими лексическими заимствованиями, так что налицо именно структурная изоглосса, тогда как в дагестанские языки рассматриваемое явление могло проникнуть именно с многочисленными лексическими тюркизмами» [1, с. 19].

Во многих языках мира редупликация корневого слова с изменением гласного в

интерпозиции слова служит для образования существительных с собирательным значением. Это имеет место и в кумыкском языке: *кьалды-кьулду* «остатки», *такъа-тукъа* «разные, всякие коробки», *таш-туш* «всякие камни» и др.

Помимо количественной характеристики предметов существительные типа *яш-юш* «дети, детвора», *кьарт-кьурт* «старика (всякие)» выражают оттенок пренебрежительности, уничижительности [3, с. 74]. Ср.: татар. *китап-митап* «книжонки», *кыз-мыз* «девочки», *аракы-моракы* «водка», узбек. *чай-пой* «чайшко», туркм. *китап-митап* «книжонки» и т.д.

По мнению некоторых ученых, полную редупликацию в современном в тюркских языках «нельзя считать средством выражения множественности, так как удвоение отражается на семантике, а удвоенное существительное синтаксически используется главным образом в качестве обстоятельственной характеристики действия» [9, с. 301; 4, с. 128]. Действительно, «сходную функцию выполняют удвоенные имена существительные в тунгусо-манчжурских языках» [12, с. 200-203]. С этим мнением нельзя не согласиться. Однако материал кумыкского языка не подтверждает мысль о том, что «было бы справедливее рассматривать удвоенные имена существительные в системе наречий» [9, с. 301; 4, с. 214]. Несмотря на то, что редупликаты могут выполнять обстоятельную функцию, на наш взгляд, их нельзя отнести к наречиям, они остаются существительными. О принадлежности удвоенных существительных именно к именам существительным говорит исследуемый нами материал и примеры из памятников письменности разных тюркских языков. Например: *Булутлар бёлек-бёлек* «Облака кучами». В «Родословном древе тюрков Абу-л-гази-хана» встречаются такие примеры: *Огул огул ва кыз кыз бу ишни кылдылар* «И сыновья, и дочери делали это» [8, с. 43].

Значение множественности выражается в тюркских языках и сочетанием слова с фонетически похожим на него словом-призвуком. В данном случае у редупликанта реализуется значение собирательной множественности, например: кумык. *яш-юш* «дети», *зат-мат* «вещи», *ханта-хунта* «тряпье», *етим-ютум* «сироты» и др. В приведенных примерах значение экспрессивности представлено более нагляднее, потому что не существует самостоятельных слов *юш*, *хунта*, *ютум* в кумыкском языке отдельно от предыдущих их компонентов.

В турецком языке, как и в кумыкском, у редупликата с одним компонентом, имеющим значение, и вторым компонентом, не имеющим значения, второй компонент придает редупликату значение экспрессивности, обозначает собирательную множественность: *kitap kitap* «книги», *adam madam* «люди». Такие слова-повторы содержат еще семему ироничности.

В тюркских языках слово-эхо обычно начинается с билабиального согласного *м*, придавая речи экспрессивность и указывая на множественность, собирательность: *зат-мат* «всякие вещи», *аз-маз* «еле, едва, чуть-чуть, чуточку» *гиши-миши* «никто, ни один человек; ни одна живая душа»; турец. *adam madam* «люди». Похожее явление наблюдается в русских повторах: дивергентное удвоение часто происходит с заменой начального согласного первого компонента губно-губным согласным в составе второго компонента. Это, возможно, является результатом «языковых контактов, в частности, с тюркскими языками, в которых наблюдаются аналогичные процессы, когда в слове при помощи сонорного *м* заменяют первый согласный звук и образуются новые слова, не имеющие значения, например, *картошка-мартошка, зелень-мелень, шашлык-машлык*». Данные лексемы «употребляются в сниженной, экспрессивной разговорной речи» [2]. Подобные образования в русском языке возводятся в литературе к тюркскому источнику: «Прием рифмованного эха свойствен не всем говорящим по-русски. Возможно, что он распространяется в русской разговорной речи под влиянием тюркских языков. Во всяком случае, он представлен, прежде всего, у лиц (для которых родной язык русский), как-то связанных с Кавказом, Средней Азией, югом России, а также живущими в соседстве тюркского населения» [11, с. 193]. В английском языке такого аналога нет.

Тюркским языкам свойственно фонеморфологическое контрастирующее варьирование по признаку сингармонизма типа кумыкского *темир-тумур* «разное железо, железный лом», *тарыкъ-турукъ* «необходимое, нужное» и др. Ср. с башкир. *тимер-томор* «разное железо, железный лом», *иске-моҫко* «всякое старье» и др. В якутском языке редупликация, выражающая аналогичное значение, проходит по другим правилам: первый слог заменяется на *и-* и происходит чередования гласных: *уҕуох-иҕиэх* «кости» и т.п., *холхуос-илкиэс* «колхоз» и т.п.

Во многих языках представлены фонеморфологические повторы, обе части которых сами по себе ничего не значат: *гыapur-чупур, эсер-месер*; рус. *фигли-мигли*.

Спецификой структурной организации частичных повторов в тюркских языках является многообразие падежных форм во втором компоненте повторной номинации. В структуре частичных повторов второй компонент может быть выражен существительным в форме дательного падежа: *орам-орамҕа* «по улицам», *уый-уыйҕе* «по домам».

При частичном повторе изменению могут подвергаться оба компонента. Кумыкскому языку свойственны следующие комбинации падежных форм при частичном повторе:

а) существительное в исходном падеже + существительное в дательном падеже: *Базардан-базарҕа чаба туруп амал эте* (К.Абуков) «Выкручивается, бегая с базара на базар»;

б) существительное в основном падеже + существительное в дательном падеже: *Жумагюн геч болгъунча тюкен-тюкенден айлана къалдым* (И.Керимов) «В пятницу допоздна бегал по магазинам».

Интересен и такой структурный тип неполной редупликации, компоненты которой выражены разными частями речи: первая часть редупликанта выражена именем прилагательным, а вторая часть выражена субстантивом в форме дательного падежа: *Той битип, гьар ким уйлю-уьуне къайталар* (И. Къызларлы). «Заканчивается свадьба, и все возвращаются по домам». Экспрессивность данного структурного типа редупликанта связана со значением числа: в этой форме повторная номинация выражает значение распределенной множественности денотатов.

Разные падежные формы имен существительных в составе редупликаций встречаются во многих тюркских языках: в татар. *булмэдэн-булмэгэ* «из комнаты в комнату»; узбек. *Хожамқулы уруқ уруқны айв айни хатқа алды* «Хожамкули сделал перепись всех родов и жилищ» [8, с. 43]. Эти повторы являются результатом оригинального воспроизведение многократности действия, множественности предметов объективной действительности. Ученые видят в них «один из начальных способов формирования грамматических форм множественности». Поскольку в тюркских языках, в отличие от других языков, редупликация является широко распространенным средством для выражения множественности, ее можно рассматривать как реликт более древнего состояния тюркских языков, когда сфера употребления аффикса множественности *-лар* была ограничена. «В связи с универсализацией использования *-лар* необходимость в парных сочетаниях отпала» [4, с. 38].

Повторы, образуемые с помощью другого падежа, встречаются не только в тюркских языках, но и в славянских языках, например, в русском языке: *дурак дураком, рука об руку, чин чином* и др.

В английском языке разные падежные формы имен существительных в составе редупликативов не употребляются.

Повтор с префиксацией Е.А. Земская считает как сильное экспрессивное средство в русском языке. Она пишет, что «второй член повтора содержит приставку *пере-, рас-* или *раз-*, придающую усилительное значение всей конструкции» [7, с. 115]: *Он москвич-размосквич в пятом поколении; Мы такие с вами соседи-рассоседи.*

В некоторых языках, в частности, в английском, русском, польском, встречается такая разновидность редупликации, которая в англоязычной литературе называется *shm-reduplication*: *марки-шмарки, магазин-шмагазин, мобильник-шмобильник, поцелуй-шмоцелуй*. Считается, что во все эти языки такой тип редупликации проник из идиша. Однако,

возможно, он связан со сходным видом редупликации, пришедшим в русскую речь из тюркских языков. Этот вид называется *m-reduplication* и встречается в русском языке: *навлин-навлин, шашлык-машлык, такси-макси, кофе-мофе* и пр. В тюркских же языках такой способ словообразования является распространенным: кумык. *акъча-макъча* «всякие деньги», казах. *жылкы-мылкы* «лошади и прочий скот», турецк. *bahsede ageas mageas yok* «в саду нет ни деревьев, ни кустарников». Из тюркских языков этот способ, характерный для разговорной речи, проник в разные языки мира, контактировавшие с тюркскими языками. Это не только русский, но и болгарский, румынский, персидский, монгольский.

В тюркских языках редупликации больше всего подвергается оноματοпоэтическая лексика.

Заключение

Подводя итоги всему вышеизложенному, можно сделать следующие выводы. Фономорфологические повторы в языках разных систем занимают значительное место. Каждый язык обладает своим набором структурных типов повторов. Многие языки, например, кавказские и славянские испытали влияние тюркских языков, что привело к заимствованию некоторых способов редупликации. В английском языке редупликаты-существительные характеризуются большим разнообразием фономорфологических изменений. Специфической особенностью структурной организации частичных повторов в тюркских языках является многообразие падежных форм в структуре лексических повторов.

Список литературы

1. Алисултанов А.С. Эхо-редупликация в лезгинских языках // Кавказский лингвистический сборник. Вып. 19. – М., 2007. – С. 3-20.
2. Беликов В. И. Продуктивная модель повтора в русском языке. Материал для обсуждения // Russian Linguistics. 1990. Vol 14.
3. Гаджихмедов Н.Э. Кумыкское словоизменение в сравнительном освещении. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2012. – 454 с.
4. Гаджихмедов Н.Э. Словоизменительные категории имени и глагола в кумыкском языке (сравнительно с другими тюркскими языками). – Махачкала: Юпитер, 2000. – 386 с.
5. Дмитриев Н.К. Строй тюркских языков. - М.: Изд-во АН СССР. - 1962. - 608 с.
6. Зарипова А.М. Редупликация в английском и турецком языках // Вестник Челябинского государственного университета. – Выпуск № 13 / 2007. – С. 28-33.
7. Земская Е.А. и др. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. – М.: Наука, 1981. – 276 с.

8. Иванов С.Н. Родословное древо тюрок Абу-л-гази-хана. Грамматический очерк (Имя и глагол. Грамматические категории). - Ташкент: Изд-во ФАН Уз. ССР, 1965. - 202 с.
9. Кононов А.Н. Грамматика современного турецкого литературного языка. - М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956. - 569 с.
10. Минлос Ф.Р. Редупликация и парные слова в восточно-славянских языках: Дис. ... докт. филол. наук. – М., 2004. – 183 с.
11. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. Под ред. Е.А. Земской. – М.: Наука, 1983. – 240 с.
12. Цинциус В.И., Летягина Н.И. К истории формирования множественности в алтайских языках // Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. - Л.: Наука, 1978. - С. 197-233.

Рецензенты:

Гаджихмедов Н.Э., д.фил.н., профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала;
Хангереев М.Д., д.фил.н., профессор кафедры дагестанских языков ФГБОУ ВПО «Дагестанский государственный университет», г. Махачкала.